

Н. А. Миненко

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ В РУССКИХ
КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Обращение к традиционной крестьянской морали семейного быта позволяет воссоздать целую область общественного сознания земледельцев. Исследователи допустили в этом вопросе много поверхностных оценок и ошибок. Дореволюционные авторы не щадили мрачных красок, характеризуя «семейственный» быт сибирского крестьянства XVIII—первой половины XIX в. «Жены давились, топились и резались от жестокости мужей»,— негодовал томский протоиерей Д. Н. Беликов. И ниже замечал: «Не менее свирепо поступали с мужьями и женщины»¹. О том же Томском крае писал в 70-х годах прошлого века Н. А. Костров: «При грубости и неразвитости нравов наших крестьян дурное обращение мужа с женой составляет явление... повторяющееся почти ежедневно»². А Н. М. Ядринцев распространял свои выводы на всю Сибирь: «издеванья» над женщинами «вошли в привычку сибиряков», характерными свойствами которых в XVIII в. были «поголовное невежество», «разврат», отказ от всяких «нравственных обязательств» в отношении жен. «Самая решительная» из последних, «чтобы избавиться навсегда от рук своих деспотов», бежали «к инородцам, в Киргизскую степь... в Бухару»³. О слабости «супружеских связей» у большей части крестьян Ишимского округа в первой половине XIX в. писал Н. Черняковский⁴. Основанием для такого рода выводов были немногие судебнo-следственные дела, попадавшие в руки авторов, а иногда, кроме того, собственное предубежденное и поверхностное знакомство с крестьянским бытом.

Следует отметить, что абсолютистское государство вовсе не считало супружеские взаимоотношения крестьян чуждой для себя сферой. И. Тютрюмов ошибался, заключая, что «семейная жизнь простого народа... оставалась в стороне от законодательных постановлений» и оказывалась предоставленной «своему внутреннему развитию»⁵. Важнейшая обязанность супругов состояла, по мнению властей, «в совместной их жизни»⁶. В 1744 г. Синод издал указ (подтверждавший прежние предписания), чтобы местные священники контролировали исполнение мужьями и женами этой их обязанности⁷. Если говорить о государст-

¹ Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. Томск, 1898, с. 107—108.

² Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876, с. 26.

³ Н. М. Ядринцев. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях.— «Женский вестник», 1867, № 8, с. 112—122.

⁴ Архив Всесоюзного географического общества (далее — АВГО), разряд (далее — р.) 61, оп. 1, д. 6, л. 62 об.

⁵ И. Тютрюмов. Крестьянская семья. Очерк обычного права.— «Русская речь», 1879, кн. 4, с. 289.

⁶ И. Г. Оршанский. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877, с. 27.

⁷ Там же, с. 28.

венных крестьянах, то даже в случае ссылки супруга жена по указу от 18 июня 1837 г., должна была следовать за ним⁸. Уложение о наказаниях 1845 г. предоставляло, правда, решение этого вопроса на усмотрение самих жен, но только, когда супруг ссылался «в каторжную работу»⁹.

Вообще жена ставилась государством в зависимость от мужа. Она принимала, согласно Табели о рангах 1722 г., его «звание и сословие»¹⁰. Муж мог наказывать ее за провинность, правда, без излишней жестокости. По воинскому уставу 1716 г. полагалась смертная казнь за «умертвление» кого-либо, но, если «сие убийство» совершал муж, увлекшийся при наказании жены, то кара следовала более легкая¹¹. Жена обязывалась властями «пребывать в любви, почтении и послушании к своему мужу», оказывать ему «всякое угождение и привязанность аки хозяйка», а контроль за исполнением этого возлагался на общину¹². Обязательным считалось соблюдение супружеской верности — «прелюбодейство» законами преследовалось. Делами подобного рода по указу от 12 апреля 1722 г. ведал Синод¹³. Обязанность соблюдения супружеской верности распространялась и на мужей. Вообще супругу предписывалось и Соборным уложением (сохранявшим свою силу в XVIII в.), и актами рассматриваемого периода, в частности Уставом благочиния, жить с женою своею «добропорядочно»¹⁴.

О требованиях закона по поводу супружеских взаимоотношений можно судить, например, по «подписке», данной в Тюменском нижнем земском суде крестьянином Семеном Баженовым и его женой Авдотьей Афанасьевой дочерью. Семен обратился сначала в свой волостной суд с жалобой на Авдотью — «в непорядочном с ним ее житье». Поскольку волостной суд «собою их разобрать не мог», он передал дело в Тюмень. Окружные власти, рассудив супругов, взяли с них письменное обязательство впредь вести себя, как то повелевается предписаниями свыше: «Семен Баженов и жена ево Авдотья Афанасьева дочь... обязуются: первой, что он жену свою имеет содержать порядочным образом, так как должно мужу жить з женою благопристойно и никаких ей обид без оказанных от нее и противных законам поступех не чинить и, ежели, что за ней усмотрю, то об оном должен объявить волостному суду, а самому с нею не управлятца, а так равно обязуюсь и детям моим, которые остались у меня от прежней жены, наивсегда надпоминать, чтоб они нынешнюю ево жену почитали так, как и первую свою мать и ни в чем ее не злословили. А какие она со своей стороны причинять будет им обиды, тогда объявляли б о том ему, почему и не оставит он тогда за те обиды ее унять или по важности оных донести волостному суду, а самому с ней никакова дела в том не иметь. И буде всего прописанного я, Баженов... исполнять не буду, то подвергаю себя неизбежному по законам суждению. А последняя, жена ево, потому ж обязуетца в том, что она впредь из дому от мужа... побегов чинить не будет, а содержать вести себя во всяком ему послушании и домоводстве, имеет также и з детьми... мужа, оставшими от первой ево жены, должна она обходитца благопристойно, никаких им обид и притеснений не оказывать и их любить так, как родных своих детей, и что они мне противное учинят,

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Савельев. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Нижний-Новгород, 1881, с. 54.

¹¹ «Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание», СПб., 1830, т. V, с. 369—370.

¹² Гос. архив Новосибирской области (далее — ГАНО), ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 9.

¹³ Центральный гос. исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 796, оп. 32, д. 1, л. 23.

¹⁴ Центральный гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 628, оп. 1, д. 10, л. 7; ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 320, л. 117 об.

тогда с ними самой не управлѣнца, а приносить на их жалобу мужу своему, в противном же случае, ежели он в том на тех своих детей удовольствия ей не учинит, тогда должна она о том объявить волостному суду...»¹⁵. Таким образом, закон на стороне мужа: он наказывает жену за мелкие проступки (за более важные — подает жалобу общинным властям); жена не имеет права отлучаться — «чинить побегов» — от мужа, оказывает ему «послушание». Над супругами — община и местная администрация, для которых поддержание «согласия» между супругами — предмет постоянной заботы.

Как же воспринимались все эти установки «сверху» самими сибирскими крестьянами? Каковы в XVIII — первой половине XIX в. их представления о правах и обязанностях мужа и жены? И в какой мере повседневное их поведение соответствовало этим представлениям?

Характер внутрисемейных взаимоотношений в деревенских семьях во многом определялся брачными нормами обычного права. Источники свидетельствуют, что в Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. при заключении браков у крестьян решающая роль принадлежала молодым, их взаимной склонности¹⁶. Причем важное значение имело согласие девушки на предложение о замужестве¹⁷. Последнее обстоятельство нашло свое отражение даже в местных суевериях: «На пороге не сиди — невеста откажется», — предупреждала поговорка, записанная в середине XIX в. в Томской губернии Г. Потаниным¹⁸. Ни о какой «покупке» девушки женихом (которая давала бы ему право бесконтрольного господства в семье) не приходится говорить; деньги, «выговариваемые» ее родителями на рукобיתье, шли в основном на свадебные расходы, а подарки были взаимными и символизировали «порodнение» участвующих в них сторон¹⁹.

Обязательным элементом западносибирской крестьянской свадьбы являлось приданое. Обычно оно состояло из одежды, постельных принадлежностей, посуды. Иногда родители давали в приданое дочери немного зерна, пряжи, несколько голов скота или пчелиных ульев²⁰. Размеры приданого зависели от степени состоятельности родителей девушки. Все оно в дальнейшем считалось нераздельной собственностью женщины и в общесемейное «имение» не входило²¹. В случае ее смерти приданое (или его стоимость) распределялось поровну между ее сыновьями и дочерьми. При отсутствии детей оно возвращалось в «род» женщины — ее родителям или братьям; лишь в отдельных случаях муж получал некоторую его часть²².

В полную собственность женщины могли поступать также деньги, заработанные ею на стороне или вырученные от продажи некоторых «хозяйственных произведений»: овощей, льна и конопли, пряжи, моло-

¹⁵ Гос. архив Тюменской области в г. Тобольске (далее — ГАТот), ф. 10, оп. 1, д. 3466, лл. 7—8 об.

¹⁶ Н. А. Миненко. Брак у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — «Сов. этнография», 1974, № 4, с. 43, 48—49; АВГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 79 об.; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15; «Слобода Такмыцкая». — «Тобольские губернские ведомости», 1866, № 8, с. 51.

¹⁷ АВГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 15; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20—20 об.; «Слобода Такмыцкая», с. 51; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 15.

¹⁸ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — «Этнографический сборник, издаваемый РГО», СПб., 1864, в. VI, с. 139.

¹⁹ Н. А. Миненко. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — «Сов. этнография», 1977, № 3.

²⁰ Н. А. Миненко. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII — первой половине XIX в. — В сб.: «Бахрушинские чтения». Новосибирск, 1974, с. 132; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 21, 24; АВГО, р. 62, оп. 1, д. 2, л. 3; д. 8, л. 26.

²¹ Н. А. Миненко. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII — первой половине XIX в., с. 132; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 24.

²² ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, л. 485; ГАТот, ф. 10, оп. 1, д. 3455, лл. 6—7; ф. 33, оп. 1, д. 6, лл. 790—792; Г. Потанин. Полгода в Алтае. — «Русское слово», 1859, № 9, с. 252—253.

ка. Муж иногда получал право распоряжаться «имением» своей супруги, но отвечал перед ней за его сохранность²³. В конфликтных ситуациях женщины искали защиты у местной администрации. Так, тобольчанка Настасья Головина объясняла (1747 г.) в полицмейстерской конторе, что не желает «итти для житья» к мужу: он «ее приданое испродал, а на нее вновь платья и обуви ничего не кладет...»²⁴. Прасковья Усольцова — жена тобольского ямщика — просила в 1748 г. отдать ее «в содержание» матери, так как муж бил ее и сверх того «приданые пожитки иззаложил неведомо куды»²⁵. Аналогичную просьбу в 1825 г. подала на имя Александра I крестьянская жена Матрена Воинова из дер. Букиной Тюменского округа, обвинявшая мужа «в разрате приданого имения» и в краже «собственных» ее денег²⁶.

Наличие собственного «имения» должно было обеспечить женщине относительную независимость, возможность отстаивать при необходимости свои интересы. Важно, что у женщины были определенные права и на основное домашнее имущество, поскольку это имущество составляло, по мнению крестьян, «общее достояние семьи», а мужчина-глава лишь «заведывал» им. В случае смерти мужа жена нередко получала главную долю наследства; основанием являлся труд, затраченный ею на накопление общего состояния²⁷.

Главенствующая роль в семье, несомненно, принадлежала мужу. Смотритель ишимских училищ А. Худяков, занимавшийся в середине XIX в. сбором этнографических сведений о местных крестьянах, отметил существование у них слов-синонимов: «жена»-«фамилия»; «муж»-«хозяин» (!)²⁸. Муж, как отмечалось, являлся основным распорядителем семейного «имения». Жена, по мнению крестьян, должна быть ему «послушливой», в противном случае супруг имеет право наказать ее. В 1753 г. в Тобольской духовной консистории расследовалось дело о смерти жены архиерейского крестьянина Ивана Канакова — Марьи. У местного приказчика явилось подозрение, что Марья умерла от побоев мужа, поскольку «у нея по телу по спине и рукам значат синие немалые места, тако ж де и по лицу бита». На допросе в консистории Канаков убеждал следователей в своей невиновности: он «наказывал» жену, но «недушевно», «плетью небольшою», и при том за дело — она ему «чинила немалые ослушности ж и непокорства»²⁹. Житель дер. Большой Оешской (Томский уезд, 1759 г.) Иван Носков, оправдывая перед приказчиком свой поступок (жестоко избил жену Матрену), доказывал, что бил Матрену «против ее пред ним... дерзостных слов»³⁰. Желая похвалить поведение своей жены в прошлом, крестьянин Григорий Трофимов сын Хвостов из дер. Скрысинской Тарского у. писал: «Она в течение двух лет была мне послушною. А после сего времени,— продолжал Хвостов,—...она под различными предлогами начала... в разсуждении обязанностей своих супружества... уклоняться, неоднократно советовал ей, дабы она... имела... должное повиновение и согласие, но... она... яко своевольная и нехотящая быть со мною в согласии... начала время от время иметь ко мне большую ненависть, презрение, отвращение... и распри»³¹.

²³ ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 3451, л. 1—1 об.; д. 3470, л. 9; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 24.

²⁴ Тобольский филиал Гос. архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО), ф. 156, 1747 г., д. 28, л. 1—1 об.

²⁵ Там же, 1748 г., д. 51, л. 1—1 об.

²⁶ ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 3451, л. 1—1 об.

²⁷ Н. А. Миненко. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII — первой половине XIX в., с. 125—132; ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 4005, лл. 3—4 об.; ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 248—248 об.; ТФ ГАТО, ф. 361, оп. 1, д. 497, лл. 1—11.

²⁸ АВГО, р. 61, оп. 1, д. 12, лл. 5 об.—6.

²⁹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1753 г., д. 83, лл. 1, 5 об.—6 об.

³⁰ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 213, лл. 81—83.

³¹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1815 г., д. 262, л. 1—1 об.

Г. Спасский в статье, загадочно озаглавленной «Нечто о русских в Сибири старожилах», утверждает, что сибирячки — «совершенно покорные супруги мужей...»³². Образ такой «послушливой» жены воссоздает в лице алтайской крестьянки Палагеи Ивановны Г. Потанин: она выносила «безконечныя обиды», исполняла «странныя прихоти» своего супруга Петра Маркыча, оставаясь при этом «верной», «обиходливой» и «безоружной». Палагея Ивановна «проворно стряпала, наблюдала за птицей, огородом и скотиной, ходила за водой, убирала в избе и во дворе и приговаривала: «Не такая бы я еще была, если б не была столько бита» («эти слова,— замечает Потанин,— я очень часто слышал от старушек в Алтае»)»³³. «Сколочена посуда два века живет»,— говорилось в 40-х годах XIX в. у тобольских крестьян по поводу битья жены мужем³⁴.

Однако «послушливость» жены имела свои границы. Отметим, кстати, что не всегда фактическое главенство в семьях было за мужчиной. У ишимских крестьян, например, в середине XIX в. существовал такой (входивший в свадебную церемонию) обычай: когда к дому невесты прибывал «поезд» жениха, у крыльца происходило «подчиванье» «жениховой» и «невестиной» свах, во время которого одна сваха другой старается из своего стакана перелить вино. «Если женихова сваха успеет налить невестиной, то примечают, что женихова будет большина, а если невестина сваха наперед нальет вина жениховой, то большина будет невестина»³⁵. В данном случае важна не сама примета, а отражение в ней реальной обстановки в ишимских деревнях: «большина» бывала и на стороне мужа, и на стороне жены. Н. П. Григоровский, долго живший в Нарымском крае, пишет, что главенство мужа у местных крестьян являлось в значительной степени формальным: «Женщина в здешних местах, как и повсюду, всегда умеет победить мужа, всегда сумеет поставить на своем...»³⁶. Признание фактического превосходства женщины заключено и в пословице, записанной Г. Потаниным в середине XIX в. на Иртыше: «Жена мужа бьет, не на худо учит»³⁷.

В данном случае имело значение не столько наличие у женщины определенных имущественных прав (хотя и оно важно), сколько ее ведущая роль в крестьянском хозяйстве: без взрослой работницы невозможным оказывалось его существование. «Женский пол... целый год в работе,— заметил о Ялуторовском округе Н. Абрамов.— Весною они ткут и белят холсты, ткут крестьянское сукно, занимаются птицеводством, скотоводством, огородничеством. В Петров пост приготавливают молочное масло. Летом вместе страдают с мужчинами. Рвут лен, коноплю и сушат их. Осенью приготавливают куделю: мнут, треплют, чешут ее; зимой прядут, шьют себе и мужчинам белье и одежду»³⁸. Женщины принимали активное участие в производственной деятельности семьи практически во всех районах Западной Сибири (меньшее — в северных промысловых уездах³⁹). Они ходили за скотом, разделяли труд с мужчинами на жатве и покосе, занимались молотьбой⁴⁰. В Нарымском крае к 15 годам крестьянская девушка уже не только знала всю «до-

³² «Сибирский вестник», 1818, ч. 1, с. 13 (125).

³³ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 112.

³⁴ АВГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 18.

³⁵ Там же, д. 29, л. 10 об.

³⁶ Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края.— «Зап. Западно-Сибирского отдела РГО», кн. IV. Омск, 1882, с. 9.

³⁷ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 54.

³⁸ Н. Абрамов. Город Ялуторовск с его округом.— «Тобольские губернские ведомости», 1864, № 26, с. 212—213.

³⁹ Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975, с. 114—118.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, лл. 17—18; АВГО, р. 61, оп. 1, д. 9, л. 5; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 2 об.; «Слобода Такмыцкая», с. 52.

машную работу» жала, косила, «метала» сено, боронила, но и умела неводить рыбу, отлично управляться на воде с лодкой⁴¹.

Приученная к сельскохозяйственному труду женщина-вдова не страшилась после смерти мужа и при отсутствии взрослых сыновей самостоятельно поддерживать налаженное хлебопашество и скотоводство⁴². Если же умирала или лишалась трудоспособности жена и не было в доме взрослых детей, «хозяину» приходилось срочно вступать в новый брак (даже при живой первой жене-калеке) или женить на совершеннолетних «девках» своих малолетних сыновей⁴³.

То, что на женщине держалась крестьянская «домашность» и в значительной степени все хозяйство двора, обеспечивало ей авторитет в местном обществе, формировало в ней требование уважительного к себе отношения. В создавшейся ситуации традиция, считавшая, что муж имеет право обращаться с женой, как ему заблагорассудится, а соседям приличнее оставаться в стороне (сославшись на пословицу «муж да жена — одна сатана»), должна была уступить место новым правилам. Община, озабоченная, в частности, поддержанием тягლოსпособных крестьянских хозяйств, все активнее преследует жестокое обращение мужа с женой⁴⁴. У своего «мира» в первую очередь искали обиженные заступничества; обращались также к административным властям⁴⁵. Иногда они бросали ненавистных супругов, бежали в чужую деревню, выходили там «в новое замужество». Так, в 1808 г. тарская крестьянка Анна Петрова Ивакина, которую муж начал «притеснять» и «свирепствуя, разные старался чинить ей прицепки», «невозможши переносить» этого, бежала «в посторонния соседственные деревни», находилась у разных людей в работах, а потом «свенчалась» за крестьянина Орловского села Степана Грибановского⁴⁶. Обнаруженная в дер. Хлопуновой Барнаульского ведомства «беглая женка» Марья Харитоновна оправдывала свой поступок тем, что муж «содержал» ее плохо, вместе со свекром и свекровью «били ее, Марью, в ношныя времена», связав руки и ноги, «стега-ли плетью и топгали ногами...»⁴⁷. Кузнецкая крестьянка Агафья Иванова также решительно порывает с мужем (1757 г.), который ее «завсегда безвинно бил и увечил»⁴⁸. Аналогично поступили жена жителя Тавдинской слободы Евдокия Зырянова (1750 г.); крестьянки дер. Секисовки (Змеиногорское ведомство, 1771 г.) Варвара Онуфриева и Авдотья Андреева; томская крестьянка Марья Никифорова⁴⁹. «В здешней отдаленной и обширной епархии», — доносил в 1752 г. в Синод сибирский митрополит Сильвестр, — женки, раскрутився, девками показываются... покинув своих мужей, от них бегают... и посягают от живых своих мужей за других...»⁵⁰.

Имело место и более активное сопротивление. В 1741 г. свидетельница — жительница Краснослободского острога Анна Васильева дочь Нехорошковых так рассказывала о драме, разыгравшейся в доме крестьянина Мавелья Балашева: «...Балашев з женою Катериной сидели в доме своем за столом и меж собою неведомо о чем разбранились, и

⁴¹ Н. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края. — «Зап. Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 1. Омск, 1879, с. 18.

⁴² ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 2—2 об.; д. 4005; лл. 1—4 об.; ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 1763; лл. 1—2; д. 1764, лл. 2—4.

⁴³ ТФ ГАТО, ф. 156, 1747 г., д. 11, лл. 2—38; 1798 г., д. 42, лл. 1—82; 1804 г., д. 229, лл. 5—63; 1816 г., д. 113, лл. 8—44.

⁴⁴ Там же, ф. 142, оп. 1, д. 11, лл. 24—25; ЦГАДА, ф. 629, оп. 1, д. 36, лл. 1—21; ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 29, л. 123; д. 30, л. 329.

⁴⁵ ТФ ГАТО, ф. 156, 1743 г., д. 34, л. 3—3 об.; 1747 г., д. 28, л. 1—1 об.; 1748 г., д. 51, л. 1—1 об.; 1747 г., д. 31, л. 1.

⁴⁶ ТФ ГАТО, ф. 156, 1808 г., д. 68, л. 1—14 об.

⁴⁷ ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 28, лл. 82—83.

⁴⁸ Там же, д. 29, лл. 114—115.

⁴⁹ ТФ ГАТО, ф. 156, 1750 г., д. 104, л. 2; Д. Н. Беликов. Указ. раб., с. 95—96.

⁵⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, д. 1, л. 78.

оной Сава жену свою ударил кулаком наотмашь, а она Катерина («я тебе не поддамся») напротив ево Саву ударила ж рукою и схватав за волосы и била головою о стену, и лице ногтями сарапала...»⁵¹. Жена тарского крестьянина Григория Хвостова Домна объясняла в земском суде, что муж обходился с ней лишь «строгостию и побоями», и потому она «оставалась всегда непреклонною», не могла, «несмотря на советы волостных начальников», «преклонить себя к мирному с ним сожитию»⁵². Специфические условия Западной Сибири, как видно из документов, формировали своеобразный женский характер: решительный, волевой, гордый, не признающий унижения и рабского «попущения» как в отношениях с супругом, так и, кстати сказать, с общинными властями, с местной администрацией⁵³.

В редких случаях внутрисемейные конфликты могли иметь трагическую развязку: убийство одного из супругов⁵⁴. Так, с 1806 по 1808 г. из числа приписных крестьян Алтайского горного округа к следствию по обвинению в убийстве мужа и в «намерении» к этому было привлечено 12 «женок» и соответственно — в убийстве жены и в «намерении» к убийству — трое мужей. В 1817 — 1818 гг. в том же округе производились следствия по 10 делам подобного рода; в 1822 г. — по 14⁵⁵. За 25 лет — с 1836 по 1861 — «судебным местам» Томской губернии пришлось рассмотреть 103 случая (примерно по четыре случая на год) убийства мужа или жены на почве супружеских конфликтов⁵⁶. Иногда жены решались на самоубийство. Например, крестьянка с. Прокопьевского (Алтайский горный округ) Аксинья Табункова была обвинена в 1808 г. «в уходе скрытно из дому во двор священника Баженова и в намерении удавиться, опасаясь от мужа своего побой за покраденную якобы с гумна оставленную в вороху недожеванную пшеницу, потому что... и прежде бивал ее неоднократно...»⁵⁷. В том же году односельчанка Аксиньи крестьянка Самаковскова намеревалась «удавить себя до смерти» и была соседями «вынята уже из петли»⁵⁸. Петр Горлов из дер. Нечунаевой (Алтай) поспешил донести по начальству на свою жену, услышав от нее на покосе «похвальныя слова», «что себя или ево употребит ножом»⁵⁹.

Вообще чаще на убийство или самоубийство решались женщины. И это можно связать с массовым распространением среди них «кликушества» (или «порчи»). Священник из с. Покровского Каинского у. П. Шалабанов так, в частности, рассказывает о наблюдаемых им во множестве «порченных» женщинах: «Сей народ, как приспевает время действию и усилению порчи, делается совершенно сумасшедшим, глаза его делаются мутными и кровавыми, язык теряет свое первобытное произношение... выдирают власы свои целыми клочками и по целой горсти; дерут на себе... одежду... кидаются на людей, наипаче тех, кои им в чем противоречат, с ножом или что им в таком бешенстве попадетсЯ в руки...»⁶⁰. Эта болезнь была распространена по всей Западной Сибири (кроме, видимо, севера) и являлась, по мнению врачей, «следствием изнурительных трудов, которыми лица женского пола обременены бывают

⁵¹ ЦГАДА, ф. 628, оп. 1, д. 42, лл. 1—5 об.

⁵² ТФ ГАТО, ф. 156, 1815 г., д. 262, лл. 16—17.

⁵³ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, л. 587—587 об.; ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 1039, л. 15; д. 4005, лл. 3—4 об.; ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 34, лл. 382 об.—383.

⁵⁴ См., например: ТФ ГАТО, ф. 360, оп. 1, д. 118, л. 7; д. 98, л. 8; д. 127, лл. 1—2.

⁵⁵ ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 320, лл. 35—183; д. 911, лл. 10—110 об.; д. 914, лл. 10—168 об.

⁵⁶ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 20.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 320, л. 103.

⁵⁸ Там же, л. 102.

⁵⁹ Там же, л. 165.

⁶⁰ АВГО, р. 62, оп. 1, д. 8, лл. 2 об.—3 об.

с малолетства»⁶¹. Есть прямые факты, указывающие на связь трагедий в семьях с «кликушеством»⁶².

Прибегали женщины и к помощи «волшебных» средств для обуздания супругов. В 1807 г. были привлечены к суду крестьянки Верхотомской волости Марья Новикова и Устинья Романова по обвинению «в порче» мужа Марья — Антона Новикова⁶³. «Девку» Прасковью Плотникову (Томская губерния, 1815 г.) односельчане поймали на неблагоприятном деле: она «сажала» в пустую бутылку «живаго змееныша». На допросе Прасковья созналась, что имела намерение «испортить» крестьянина Кармина «по просьбе жены его Федосьи» (предполагалось напоить Кармина квасом, настоящим на «змееныше»)⁶⁴. В 1821 г. Тобольская духовная консистория наложила «епитемию» на «женку» Перевалову из Абацкой слободы (Ишимский округ) «за испечение сушеной мыши в шанге и кормление оною мужа» с целью той же «порчи»⁶⁵.

Однако все перечисленные (и подобные им) случаи не были нормой в быту крестьян Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. Во всем огромном Колывано-Воскресенском округе, например, с 1806 по 1808 г. рассматривалось лишь 28 дел, связанных с супружескими конфликтами и заключающих в себе «важность» (жестокое «битье» жены, побег ее из дома, «прелюбодейние», угроза лишить себя или супруга жизни, убийство и подозрение в намерении совершить его); в 1817 — 1818 гг. — 13 дел⁶⁶. Более объективные наблюдатели отмечали, что при наличии момента зависимости, подчинения, отношения супругов у крестьян Западной Сибири грубый и откровенный произвол был явлением ненормальным. «В домашней жизни спокойны...», — замечает о крестьянах автор описания Ялutorовского у. (1818 г.)⁶⁷ «В семейных нравах видна ...любовь, согласие...», — поддерживает его Н. Абрамов, писавший о тех же ялutorовцах в 1863 г.⁶⁸ «Мушины в обращении» с женами «более ласковы, чем грубы... муж старается чище одеть и нарядить свою жену, чтобы не отстать от ровни...», — пишет по поводу односельчан житель слободы Такмыцкой Тарского округа⁶⁹.

Отношениям взаимного уважения, взаимной заботы между супругами способствовало чувство «любви» (именно так определяли его сами крестьяне) друг к другу, обычно присутствующее, как уже отмечалось, при заключении брака. «Премноголюбезной и предражайшей моей сожительнице и чести нашей хранительнице и здравия нашего пресугубой покровительнице и всеизрядной по фамилии нашей угодительнице и дома нашего всечестнейшей правительнице Анне Васильевне, посылаю вам свой всенижайший поклон и слезное челобитье и с чистосердечным нашим к вам почтением, желаем вам многолетнего здравия и душевного спасения... прошу вас, как можно, писать, всепрелюбезная наша сожительница, о своем здравии... Я весьма удивляюсь вам и всегда неутешно плачусь, что вы ко мне не пишете, а я уже четвертое письмо пишу...»⁷⁰, — эти выдержки из «своеручного» письма крестьянина Ивана Худякова к своей жене, живущей в Семипалатинском у. (1797 г.) вполне характеризуют его чувства к ней, раскрывают интимную сторону

⁶¹ ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 11; АВГО, р. 61, оп. 1, д. 12, л. 2 об.; ГАТот, ф. 10, оп. 1, д. 3466, лл. 5—6.

⁶² ГАТот, ф. 10, оп. 1, д. 3467, лл. 1—3; ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 911, л. 77 об.

⁶³ ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 911, л. 10.

⁶⁴ Н. А. Костров. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии. — «Зап. Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 1. Омск, 1879, с. 2.

⁶⁵ ТФ ГАТО, ф. 156, 1819 г., д. 181, л. 7.

⁶⁶ ЦГИА, ф. 468, оп. 20, д. 320, лл. 35—183; д. 910, лл. 10—168 об., д. 967, лл. 28 об.—366.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20.

⁶⁸ АВГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 44 об.

⁶⁹ «Слобода Такмыцкая», с. 52.

⁷⁰ ТФ ГАТО, ф. 156, 1797 г., д. 99, лл. 58—59.

крестьянских супружеских взаимоотношений и звучат резким диссонансом на фоне утверждений дореволюционных авторов о «неразвитости» и «грубости нравов» в сибирской деревне феодальной эпохи. Взятый в «горную службу» крестьянин Егор Тропин (Алтай, Чаусская волость, 1796 г.) на Фоминой неделе бежал в родное селение «с намерением повидаться с женой», «нестерпя необыкновенной тоски», которая «напала» на него в разлуке с нею⁷¹. Омская крестьянка Прасковья Молодавскова (1821 г.) в уездном суде называла в качестве причины разрушения своей семьи то, что она «не любила» мужа Федора, а «любила» односельчанина Казанцова («всегда думала об нем») ⁷².

Взаимной обязанностью мужа и жены у крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. было соблюдение супружеской верности (что требовалось и законом). «Распутство» одного из них считалось достаточным поводом для развода: община в таких случаях обычно поддерживала оскорбленного супруга. В 1805 г. курганский крестьянин Осип Аникин сын Рычков подал в духовную консисторию прошение о разводе с женой «по причине ее распутства» и при этом представил «данное тою ево женою при некоторых сторонних людях» и засвидетельствованное волостными начальниками письмо, «коим она, изъясняя признание свое в чинении... прелюбодейства и что она его более любить и в супружестве быть с ним не намерена, а посему в заключении просит уволить ее на свое пропитание». Консистория ограничилась распоряжением «о зделании помянутому мужу и жене о примирении достаточного увещания». К светским же властям была направлена просьба запретить общинам самим рассматривать «прелюбодейные дела» («как уже это встречается не в первой раз и не в первом месте») ⁷³. Документы свидетельствуют о том, что отношение к супружеской неверности было непримиримым на всем протяжении рассматриваемого периода ⁷⁴. Н. Костров, ознакомившийся с рядом дел о самовольном расторжении браков у томских крестьян за первую половину XIX в., отмечал: «Мотивы к этому всегда одни и те же. Жена обыкновенно жалуется на то, что муж «гуляет» от нея, держит любовниц, бьет без всякого дела и т. п.» ⁷⁵. В Западной Сибири к супружеской неверности относились строже, чем в Европейской России. Там, по данным С. В. Пахмана, неверный супруг принуждался волостным судом к сравнительно легкому наказанию ⁷⁶. Объяснялось это различие в отношении к «прелюбодейству», в частности, тем, что у сибиряков сильнее уважались права и достоинство личности (супружеская «измена» — нарушение того и другого), большую роль играла эмоциональная сторона супружеских взаимоотношений. Той «буйной сатурналии», которая мерещилась Н. М. Ядринцеву, заглянувшему в сибирский быт XVIII в. ⁷⁷, в действительности не существовало.

Уже отмечалось, что закон требовал от супругов обязательного совместного жительство. Представления крестьян Западной Сибири соответствовали в данном случае законодательству. В 1763 г. житель дер. Букиной Федор Паюсов «словесно просил» в Тюменской воеводской канцелярии «на жену свою Татьяну Никитину дочь в непорядочном с ним житии в бегу ее от него неоднократно». Призванная к ответу Татьяна «в отъезде бес просу... мужа» из дома «извинение приносила». Воевода приказал «по добровольному ее извинению за сход без ведома

⁷¹ ГАНО, ф. 110, оп. 1, д. 12, лл. 122—123 об.

⁷² ТФ ГАТО, ф. 156, 1821 г., д. 191, лл. 2—10 об.

⁷³ ГАТОГ, ф. 33, оп. 1, д. 6, л. 59—59 об.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 4, л. 67; ф. 1402, оп. 1, д. 34, л. 756; ГАНО, ф. 110, оп. 1, д. 11, л. 260—260 об.; ТФ ГАТО, ф. 156, 1793 г., д. 54, лл. 1—5; 1796 г., д. 8, л. 1—1 об.; 1818 г., д. 262, лл. 1—23.

⁷⁵ Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов..., с. 26.

⁷⁶ С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. 2. СПб., 1879, с. 101.

⁷⁷ Н. М. Ядринцев. Указ. раб., с. 116.

мужа» высечь виновницу «батожьем» и вернуть мужу⁷⁸. В 1785 г. «общество» крестьян Чаусского острога вынесло решение о наказании «лозами» односельчанки Агафьи Васильевой, «которая женка состояния и поведения недоброго, потому что от мужа своего чинит побег и с мужем своим во обществе не живет, а шатаетца по протчим деревням у разных людей праздно, и в ней надежды к доможительству никакой не имеетца». Заметим, что ни усилия общины, ни приказы администрации не имели успеха: Агафья упорно продолжала побег от мужа (ее ловили и возвращали ему), а на все «увещания» заявляла: «С мужем... своим Иваном жить вместе не желаю, потому что ево ненавижу... а с чего сделано, того не знаю». Пришлось Томскому нижнему земскому суду разрешить ей жить «особо в Чеуской слободе» и «питаться трудами своими»⁷⁹. Вообще, если женщина твердо решала, что она со своим супругом «не жилища», то возвратить ее к нему оказывалось делом трудным, а подчас и невозможным. Так, «женка» Татьяна Яркова из дер. Ярковой Тобольской округи по поимке ее в Тобольске была приведена в дом старшины дер. Ярковой Семена Яркова. Семен «обвещил» о случившемся жителей деревни, «при собрании коих... говорил означенной женке ...чтоб она ко оному (мужу.— Н. М.) и шла в дом, а ... бывшим тут в собрании жителям подтверждал, чтоб они за поведением той женки имели наблюдение...». Но Татьяна отказалась вернуться в дом мужа и заявила, что «если ее насильно сведут к оному мужу, то она непременно погубит мужа или себя, или дочь их или же дом их созжет». В конце концов духовная консистория согласилась с тем, чтобы быть Татьяне «пущеницею», а ее мужу Авдею вступить в новый брак⁸⁰. В 1745 г. бежала от мужа — крестьянина Тавдинской слободы — «женка» Евдокия Долганова. В результате вмешательства властей удалось вернуть ее в семью. Однако вскоре, воспользовавшись отъездом мужа по делам в Тобольск, Евдокия снова бежала и жила шесть дней «скрытно» у своего дяди в дер. Березовке. «А как оттуду взята была,— сообщал в консисторию муж ее Яков Долганов,— и шла со мною домой и будучи на дороге выдернула из-за пазухи у себя нож и говорила мне... так вот де тебе на чом быть, а моя де голова недорого, я де уже за тем пошла и, тем ножом отбившись, ушла от меня»⁸¹. Община в таких случаях выступала за развод супругов (чтобы «не вышло какого ни на есть греха») ⁸². Если крестьян фактический развод не удовлетворял, если они заявляли о желании расторгнуть брак и формально, то община выдавала им заверенные «письма» с аргументированной просьбой о разводе для подачи в консисторию⁸³. Позиция «мира», несомненно, способствовала стабилизации и нормализации крестьянского семейного быта.

Мужу полагалось давать жене необходимое «содержание», быть рачительным домохозяином и хлебопашцем⁸⁴. Со своей стороны жена обязывалась заботиться о домохозяйстве, выполнять всякую работу, порученную ей мужем⁸⁵.

Вообще можно отметить, что взгляды крестьян на взаимоотношения супругов, определявшие их повседневное поведение, во многом совпадали с требованиями закона. И нет причин отрицать, что законо-

⁷⁸ ГАТОТ, ф. 47, оп. 1, д. 4448, л. 79.

⁷⁹ ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 30, лл. 329—341 об.

⁸⁰ ТФ ГАТО, ф. 156, 1793 г., д. 54; лл. 1—17.

⁸¹ Там же, 1750 г., д. 104, лл. 2—39 об.

⁸² Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов..., с. 27.

⁸³ ГАТОТ, ф. 33, оп. 1, д. 6, л. 59—59 об.

⁸⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1743 г., д. 34, л. 3—3 об.; 1747 г., д. 28, л. 1—1 об.; 1748 г., д. 51, л. 1—1 об.; ГАТОТ, ф. 10, оп. 1, д. 3451, л. 1—1 об.; д. 3470, л. 9; Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 9.

⁸⁵ ГАНУ, ф. 92, оп. 1, д. 213, лл. 83—84; ТФ ГАТО, ф. 156, 1815 г., д. 262, лл. 1—36 об.; 1793 г., д. 54, лл. 1—5; Г. Потанин. Полгода в Алтае. с. 112—113.

дательство активно влияло на общественное сознание крестьян — в этом прежде всего объяснение отмеченного сходства. В отношениях супругов у крестьян Западной Сибири и Европейской России⁸⁶ обнаруживается сравнительно мало различий. На рассматриваемой территории, однако, положение женщины оказывалось более самостоятельным, менее зависимым от «хозяина». Нередко ей принадлежало фактическое главенство в семье. Основные причины этого — ведущая роль женщины в крестьянском хозяйстве, наличие у нее имущественных прав.

Местная община, заботившаяся о нормализации крестьянского семейного быта, нередко поддерживала женщину в ее стремлении обеспечить независимое положение в семье и при невозможности уладить внутрисемейный конфликт относительно легко шла на фактическое расторжение брака.

Вместе с тем нельзя идеализировать отношения мужа и жены в сибирской крестьянской семье. Супружеские конфликты иногда, как отмечалось, получали трагическую развязку: убийство, самоубийство, жестокие истязания более слабых. Но это не было нормой. И причиной таких трагедий являлась не «грубость нравов» у крестьян, а тяжелые условия их жизни в феодальном обществе.

---

⁸⁶ О Европейской России см.: *С. В. Пахман*. Указ. раб., с. 85—119. Укажем также новейшее очень интересное и глубокое исследование: *В. А. Александров*. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 294—313. В последней работе речь идет только о крепостных крестьянах, семейный быт которых имел, конечно, свою специфику.